

Сергей Молодняков

ОБЛАКО В ПОГОНАХ



Служу России!

Сергей Молодняков

Облако в погонах

«Горизонт»

2013

Молодняков С. А.

Облако в погонах / С. А. Молодняков — «Горизонт»,
2013 — (Служу России!)

Вполне резонно задать вопрос, что подвигло Вашего покорного слугу «пустится по волнам моей памяти» и приступить к подготовке данного сборника? Ответ прост: желание вспомнить и рассказать о своём времени, близких людях, творческих поисках и о себе. Звучит несколько пафосно, но учитывая, что автор относится к своей персоне с изрядно долей самоиронии - допустимо. В силу жизненных обстоятельств и неистребимой природной лени, никакой системной творческой работы в моей жизни не было, и все литературные, и рисовальные опыты были «записками на манжетах», разбросанными во времени и пространстве. Приступая к этому проекту, пришлось, буквально, как в сказке: по сусекам поскрести, по амбарам помести, и из того, что сохранилось, набрать на этот «колобок». Составляя данный сборник, я не мог обойти стороной, творчество близких мне по духу людей, благодаря общению с которыми, во многом, и рождались мои «творения». На страницах данной книги Вы, познакомитесь с произведениями Андрея Николаевича Васильева, Владимира Николаевича Орлова и ряда других одарённых личностей. Эта книга предназначена для избранного круга читателей. Практически, для дружеского и семейного чтения.

© Молодняков С. А., 2013

© Горизонт, 2013

Содержание

Стихотворения (1979–1982)	7
Ковыль	7
«Осень устало кружит над городом...»	9
«В прошлогодней листве златоустой...»	10
Разговор со старым другом	11
«Простите, дорогая! Вы устали...»	12
Из стихотворного цикла «В ночи»	13
«Стуча железкой о сухой кирпич...»	13
«Орган надрывно пел в ночи...»	13
«В ультрамариновой дали...»	14
«Я вижу хрустальный дворец...»	14
«Привычно стало видеть мне...»	15
«Совсем немного избранных осталось...»	17
«Лист лениво скользит по уснувшей воде...»	17
«Белёсый снег избородили тени...»	18
«На полях гуляет ветер –...»	18
Посвящение Сергею Есенину	20
«О, Сергей! Мне близок, стал до боли...»	20
«Рано утром, почти спозаранку...»	20
«Заходи за мной нынче, до зорьки...»	21
«Что ж! Немало ты в жизни понял...»	21
«Необычностью чудесен...»	22
«Тихую долину...»	22
Стихотворения разных лет	24
Баллада о казённой бане и домашней ванне	24
Заклинание комсомольского активиста	26
Матрёна	27
Стихотворение Андрея Васильева, посвящённое автору	28
Посвящение выпускникам 1984 года метеорологического факультета Воронежского ВВАИУ	30
Новоземельское майское утро	32
Стихотворение курсанта Владимира Орлова	35
В.Н. Орлову в день 50-летия	38
Тексты песен7 В.Н. Орлова	39
Поэмы	41
Сон	41
Встреча	45
В поисках истины	50
Эпистолярная поэма	59
Проза	69
Восемь суток, проведенные на поселении Новая Благуша, близ большого картофельного поля	69
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Молодняков С.А. Облако в погонах

От автора

Дорогие друзья!

Вполне резонно задать вопрос, что подвигло вашего покорного слугу пуститься «по волнам моей памяти» и приступить к подготовке данного сборника? Ответ прост: желание вспомнить и рассказать о своём времени, близких людях, творческих поисках и о себе. Звучит несколько пафосно, но, учитывая, что автор относится к своей персоне с изрядной долей самоиронии – допустимо.

В силу жизненных обстоятельств и неистребимой природной лени никакой системной творческой работы в моей жизни не было, и все литературные и рисовальные опыты были «записками на манжетах», разбросанными во времени и пространстве. Приступая к этому проекту, пришлось, как в сказке: по сусекам поскрести, по амбарам помести и из того, что сохранилось, набрать на этот «колобок».

Ещё одним побудительным мотивом к изданию этой книги стал пример выдающегося человека – моего командира, боевого морского офицера, первого командира ТАКР «Адмирал Советского Союза Кузнецов», начальника Новоземельского ядерного полигона, начальника Управления кадров Военно-морского флота вице-адмирала Виктора Степановича Ярыгина, который ныне активно занимается общественной деятельностью, являясь председателем межрегиональной общественной организации «Московский союз новоземельцев» и членом Союза писателей России.

Виктор Степанович написал и издал за несколько последних лет целый ряд книг, посвященных крейсерам, на которых служил и которыми командовал; авианосцу, которому дал путёвку в жизнь; родному Калининградскому военно-морскому училищу; системе подготовки военно-морских офицерских кадров в России; Новой Земле и ветеранам Центрального ядерного полигона России.

К 600-летию моего родного города Лысково вышла книга «В самом сердце русской равнины». В ней моряк-североморец и профессиональный журналист, патриот лысковской земли Евгений Васильевич Вантеев собрал объёмный материалы о знаменитых земляках и выдающихся уроженцах лысковского края.

И я действительно горжусь тем, что на страницах этих книг есть строки, посвященные моей судьбе, но захотелось рассказать, что-то и от первого лица.

Составляя данный сборник, я не мог обойти стороной творчество близких мне по духу людей, благодаря общению с которыми во многом рождались и мои «творения». На страницах данной книги вы познакомитесь с произведениями Андрея Николаевича Васильева, Владимира Николаевича Орлова и ряда других одарённых личностей.

Эта книга предназначена для избранного круга читателей. Практически для дружеского и семейного чтения. Осторожно: дети! В ряде эпизодов сюжеты откровенны, а лексика хоть и нормативная, но на грани.

Выражаю глубокую признательность Андрею Владимировичу Макарову, Сергею Генриховичу Мартину, Сергею Николаевичу Добровольскому и Игорю Александровичу Молоднякову за оказанную помощь при подготовке материалов для книги.

Особые слова благодарности Сергею Николаевичу Головнёву, с которым меня связывает дружба и многолетнее новоземельское братство, не утраченное в суете жизни больших городов, ибо он взял на себя инициативу по составлению и изданию предлагаемого сборника, глубоко и лично погружался в материал, к чьим советам я прислушивался, и кто, в конечном счёте, стал крёстным отцом этой книги.

Книгу я посвящаю моим дорогим родителям – Лилии Константиновне и Александру Павловичу Молодняковым.

Стихотворения (1979–1982)

КОВЫЛЬ

В разливе буйном сини
Волнуется ковыль,
Как серебристый иней –
На нём столетий пыль.

Он в землю врос, как стрелы,
С отливами свинца,
И нет ему предела,
Как полю – нет конца.

Впитал здесь каждый камень
Былинный аромат.
...Усиленный веками,
Звенит о щит булат.

И вновь: копыт смятенье
Выгаптывает круг.
Стрел злобное шипенье
Посмертным станет вдруг.

А конь, кося пугливо,
Хрипит под седоком,
Расплесканная грива
Трепещет под клинком.

Гарь раздирает солнца
Запёкшийся мазок –
Убитого тевтонца
Разрубленный висок.

Крик заглушает стоны,
Что обращены ввысь.
Глаза Святой Мадонны
Над полем вознеслись.

Глаза полны печали,
Казалось, сквозь века
Зрачки их отражали
Кровавый цвет клинка.

И пел Младенца голос,
А может, пел ковыль.

На молодую поросль
Веков ложилась пыль.

1982 г.

«Осень устало кружит над городом...»

Нашей юности посвящается

Осень устало кружит над городом:
Дождь листопадный – с ветром и холодом.
В шорохах листьев – невнятные речи,
О расставаньи они, не о встрече.

Сквер, посеревший в бесцветной печали,
Даже деревья, казалось, скучали.
В арке напротив, в неоновом свете –
Девочка в джинсах и мальчик в вельвете,

Тихо стояли и слушали чутко.
Ветер над сквером рыдал, как малютка.
Акселерации мудрые дети –
Девочка в джинсах и мальчик в вельвете.

Всё понимали, но всё ль принимали?
Чувства светлели в осенней печали.
Молча склонился Ромео к Джульетте –
К девочке в джинсах тот мальчик в вельвете.

И расступались зданий громады,
Ветер не плакал, а пел серенады.
Двое их было на целой планете –
Девочка в джинсах и мальчик в вельвете.

1982 г.

«В прошлогодней листве златоустой...»

*За то, что сердце в человеке
Не вечно будет трепетать.
За то, что все вольются реки
Когда-нибудь в морскую гладь.*

Сунберн

В прошлогодней листве златоустой
Узнаю отболевшую боль.
Все истоки кончаются устьем,
Отыграв говорливую роль.

Человек – он исток по природе.
Жизнь течет, расширяясь, глубясь.
Но вот к устью приходим, и вроде
В миг теряется логики связь.

На пороге впадения в иное
Грустны, тщетны деяния все.
И значимое прежде, родное
Исчезает в холодной красе.

Неразгаданно. Грустно безмерно
Шепчет что-то плывущий веноч.
В нём себя узнаю я. Наверно,
Я, как он, задержаться не смог.

Лебединая песнь в полуслове –
И на кладбище кладезь стихов.
Ну а людям, конечно, не внове
Забывать одряхлевших богов.

Что искал – не нашёл. Как в ненастье,
Затерялся, устал, а умру –
Отдохну от погони за счастьем,
Став бесцветно-холодным к утру.

За дощатой постелью поэта
Не пойдут, бахрому теребя.
Только роза, дыханьем согрета,
Упадёт от забытой тебя.

1979 г.

Разговор со старым другом

Вновь я с тобой. Ты такой же, как прежде –
Та же спокойная ласковость глаз.
Что-то случилось, поэтому реже
Мы понимаем друг друга подчас.

Прошлое выручит, память поможет:
Вспомним былое, но всё не пойму –
Прежде мы были ужасно похожи,
Так же различны теперь. Почему?

Разные в радости, разные в горе.
Думал, что юность в душе сберегу.
Помнишь, я вышел в открытое море,
Ты оставался на том берегу.

Море не любит минорных и жалких.
Это и многое – искоренил.
Став самой крепкой, булатной закалки,
Я изменился, а ты сохранил.

Ты сохранил ту мечтательность в речи,
Эту наивность и свежесть ума.
Словно бы годы не пали на плечи,
И не покрыла виски нам зима.

Мне ж довелось испытать, даже слишком,
Многое: в мыслях и чувствах остыть.
Не оттого ли так жалко мальчишку,
Кем никогда и нигде уж не быть.

Знаю, что века отпущено мало,
Где-то усну и останусь в ночи.
Может, об этом сейчас трепетало
Пламя стоящей меж нами свечи?

Пусть суждено, но не мучаюсь – где же?
Смерть, как рождение, случается раз.
Я изменился, поэтому реже
Мы понимаем друг друга сейчас.

1981 г.

«Простите, дорогая! Вы устали...»

Простите, дорогая! Вы устали
Меня любить и обрели покой.
Шепча беззвучно алыми устами,
Благословите нежною рукой.

И я исчезну в беспокойстве ночи –
Мой голос оборвёт метели визг,
Но знайте, что люблю вас сильно, очень...
Как солнца луч влюблён в сверканье брызг.

Уйду путём, благословенным вами:
Спокойно сердце, ждущее тревог.
Укрыто синеватыми снегами
Избитое безмолвие дорог.

Ночи отброшен тёмно-синий полог,
Дорога нелегка и далека.
Предчувствуя, что век разлуки долог,
Благословила бледная рука.

1981 г.

Из стихотворного цикла «В ночи»

«Стуча железкой о сухой кирпич...»

Стуча железкой о сухой кирпич,
Застонет ветер, мня, вясь и воя.
Я в даль черну смотрю, у гроба стоя,
Как граф, сказавший за обедом спич.

Сей странный гроб, я сам себе принёс,
Быть может, согреша и не беспутно,
Хотя и действовал без пут, но...
Но этим разрешал иной вопрос.

Не телу брэнному в пристанище дрожать,
Туда я опушу мне дорогое.
Быть может, душу грешну упокая,
Мой мрачный гений будет в нём лежать.

Я хороню стихи, не нужные толпе,
На них печать забвенья водружая.
Великих тени, молча окружая,
Встают вокруг в сочувственной мольбе.

Завял в ростке недюжинный талант –
Душа переполняется печалью.
Едва ли за столетий далью
Сей прах, найдёт старик-негоциант.

«Орган надрывно пел в ночи...»

Орган надрывно пел в ночи,
Последний звук – и смолк.
Оборванной струной души
Песнь продолжает волк.

С небес свинцовое пятно
Бросает мутный свет.
Темно ль, светло ли: всё одно –
Я вижу свой портрет.

Он – искуситель мой и рок,
Сообщник и судья:
В чертах – судьба, глаза – пророк

И суть моя, и я.
Переливается огнём,
Я нежен в нём и груб,
И многолик во тьме, но днём
Не видно муки губ.

«В ультрамариновой дали...»

В ультрамариновой дали
Неясно виден силуэт.
Над телом сумрачным земли
Мерцает звездопадный свет.

Мне мил забытый блеск его,
Предчувствия огонь томит.
Коль не осталось ничего –
Ничто не манит, не роднит.

Как скоро пыл во мне погас!
А много ли его имел?
Крылатый, солнечный Пегас
Меня коснуться не сумел.

От ласки лёгкого крыла
Я не проснулся осенён.
Жизнь, не начавшись, отцвела,
Ещё живущий – погребён.

«Я вижу хрустальный дворец...»

Я вижу хрустальный дворец,
В чертогах – алмазный ларец,
Над ним – золочёный венец,
А в нём – груды мёртвых сердец.

Я вижу чудеснейший сад,
Тончайший ловлю аромат.
Плоды берегут для услад,
Но каждое яблоко – яд.

Пред взором моим – дивный луг,
Ковёр из цветов лёг вокруг.
Но снова во взгляде испуг:
Меж травами – жала гадюк.

К простору морскому мой взгляд
Стремится и, видя, я рад,
Как жемчугом волны горят
И... тянутся руки наяд.

Моленье вознёс к небесам:
Спасенья усталым глазам!
Свершилась судьба, наконец –
Теперь я довольный слепец.

«Привычно стало видеть мне...»

Привычно стало видеть мне,
Как много зим и лет,
Встаёт в синеющем окне
Кроваво-чёрный цвет.

И отблеск красит лунь небес
Под колокольный вой.
Предчувствую: не Бог, не бес,
Не мёртвый, не живой.

Но кто-то сеет цвет и звон,
Чернеет, где серел,
И слышится со всех сторон:
«Сгорел, сгорел, сгорел...»

Вновь опускает век кайму
Тот неизвестный Он,
Надеясь, наконец пойму
И разгадаю сон.

...Брожу средь скопища теней:
Крик хриплый, чей-то смех,
На фоне туч, земли темней, –
Распятый человек.

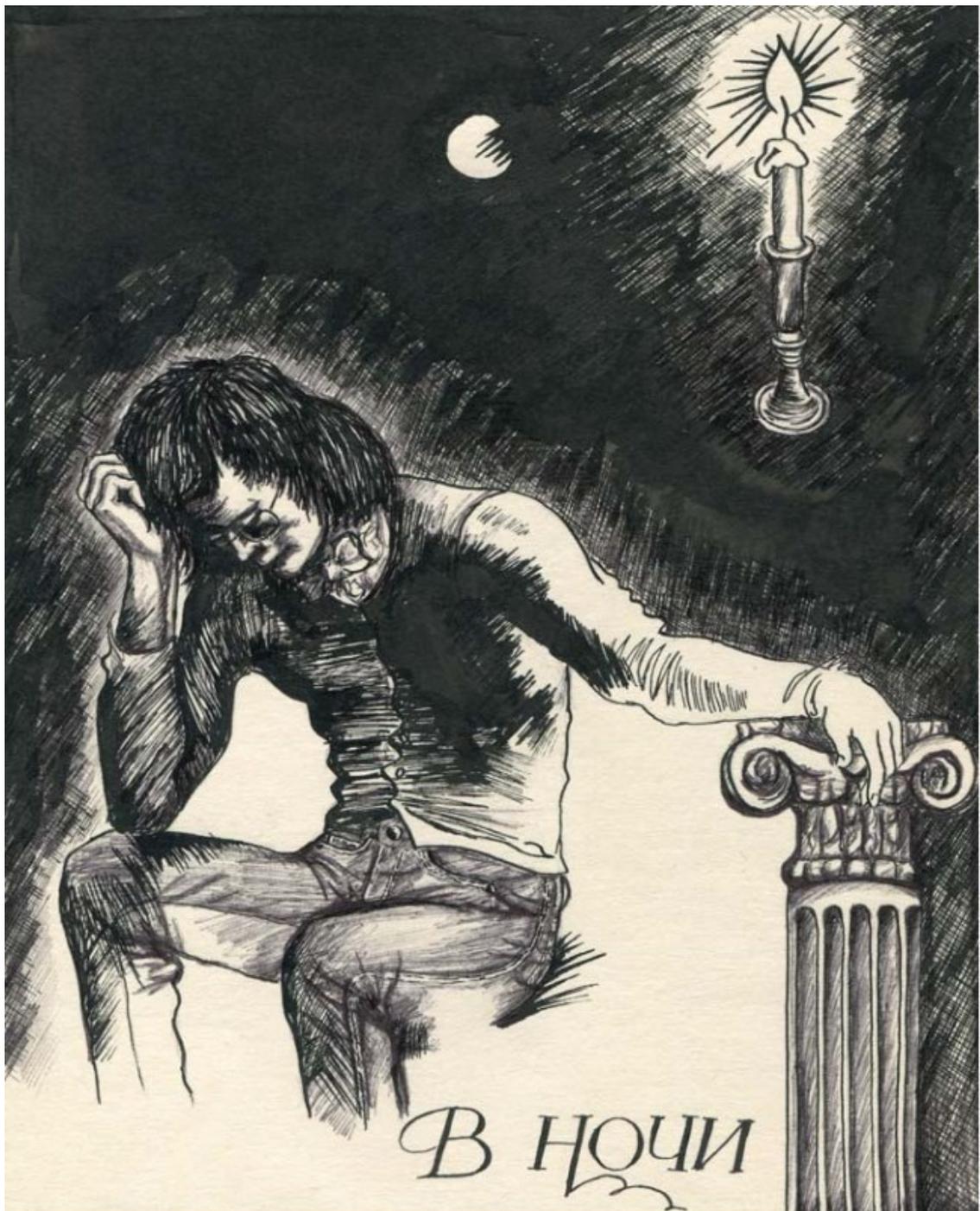
Я всматриваюсь: тих и строг,
Безмерна грусть в глазах –
Она в лучах священных строк,
Жива на образах.

Угарна площадная брань,
Всё ощутимей злость.
Вдруг свет сквозь облачную рвань
Высвечивает гвоздь.

Кровавый гвоздь зардел огнём,
Горит, как тает плоть.
Среди толпы во мне одном
Святая грусть поёт.

Гармонию её сберёт,
Мгновенье – он б воскрес,
Но красно-чёрный заволок
Обуглившийся крест.

1979–1980 гг.



«Совсем немного избранных осталось...»

Анатолию Козлову

Совсем немного избранных осталось
Людей, в которых есть ещё душа.
Но, подменив прогрессом эту малость,
Бредут народы, к пропасти спеша.

Да, мало нас. И ждет, увы, забвенье
И чувства лучшие, и мысли, и слова.
Мы чуждые – не их цепи мы звенья,
Но знаем истину – толпа всегда права.

В мученьях мы влачим существованье,
Лишь изредка нас посещает новь.
То вечное, что движет мирозданьем,
Зовётся просто и смешно – любовь.

А что душа? Выгуливаем тело,
Ведь финиш, вроде бы, ещё далёк.
Вершим ненужное, пустое дело.
В дела нас любопытства бес завлёт.

Бежим, спешим. Куда? Зачем? – не зная.
Но, впрочем, будем делать так до пор,
Когда доска дубово-гробовая
Поставит точку, завершая спор.

Но коль пока мы живы и упруги,
Коль вжились в трепетанья пестроту,
Коль с нами зодиаковы зверюги
Сцепившись, улетают в пустоту.

То интересна жизнь: вкус, звук её и краски.
Пulsирует пока души оплот
И, не желая с Вельзевулом пляски,
На Ноев лезем, задыхаясь, плот.

1979 г.

«Лист лениво скользит по уснувшей воде...»

Лист лениво скользит по уснувшей воде,
Жёлтой каплей вписавшийся в гладь.
Всё спокойно, дремотно: ни звука нигде,

Очарованный сон – благодать.

Высоко в небесах проплывает журавль,
В дымке золота крон – алтари.
Всё казалось – плывет долгожданный корабль
Цвета ало-пурпурной зари.

Как милы эти сказки из девичьих грёз
И чисты, как зимой облака.
Только жизнь не даёт нам поверить всерьёз,
Извратив, обманув, оболгав.

Этой сказке сто лет, и скажу я сейчас:
Мило всё и красиво, но, Грин,
О прекрасной Ассоль, о любви ложен сказ,
Алый парус, как воздух, незрим.

1979 г.

«Белёсий снег избороздили тени...»

Белёсий снег избороздили тени,
То чёткие, то видные едва,
Два дерева стоят в нём по колени,
Как два седых языческих волхва.

О, чародеи! верящие в диво.
Они зовут весеннее тепло,
Но падают неслышно и тоскливо
Снежинки на замёрзшее стекло.

Царица льда, опять твои метели
Живое заставляют замерзать:
Саванный пух, где кроны зеленели
И простиралась водяная гладь.

Голубизна, сгущаясь и темнея,
Равнину перекрашивает в синь.
Два дерева в безмолвии томленья
И холода, что неразлучен с ним.

1981 г.

«На полях гуляет ветер –...»

На полях гуляет ветер –
Необузданный конёк.

Синий полдень далью светел,
Холодам конец далёк.

Мятно пахнет от сермяги,
На дворе – унылый пёс.
Под окном поют бродяги,
Кто в мученьях правду нёс.

Для людей они как травка,
Обречённая на корм,
И церквушки малой главка
Предвещает новый шторм.

Снова виден лик пречистый
Под заснеженным стожком.
Мчится колесница, мчится
С новоявленным божком.

1979 г.

Посвящение Сергею Есенину

«О, Сергей! Мне близок, стал до боли...»

О, Сергей! Мне близок, стал до боли
Твой напевный, искренний язык.
С ветром ты, с простором, с небом, что ли,
В душу журавлиную проник?

Для людей готов был сердце вынуть,
Бесшабашный, грустный хулиган.
Не хотел ты край родной покинуть,
Но ушел безвременно в туман.

До сих пор слова твои простые
Очищают внутреннюю муть.
Край полей, с названием – Россия,
С ними смог счастливее вздохнуть.

«Рано утром, почти спозаранку...»

Рано утром, почти спозаранку,
Только гонят в стада коров,
Запевала твоя тальянка
У бездушных чужих дворов.

В твою чистую, детскую душу,
Когда пламень ещё не погас,
Не боясь сапогами порушить,
Потешаясь, плевали не раз.

Говорили, мол, слишком был труден,
Насладившись, бросали тебя.
В сером холоде питерских буден
Не сумел уберечь ты себя.

А теперь, появляясь оттуда,
Может, птицей, может, цветком,
В край берёзово-белого чуда
Ты спешишь погрузить о былом.

«Заходи за мной нынче, до зорьки...»

Заходи за мной нынче, до зорьки
Побежим по росе на поля.
Будем слушать внимательно, зорко,
Как звенит, просыпаясь, земля.
Как табун лошадей на холмину
Забираясь, заскачет гуськом.
Как туман, покрывавший низину,
Разливаясь, боднётся с леском.

Побредём заливными лугами,
Воздух там разнотравьем пахуч.
Может, где-то вдали, за стогами,
Ходит-бродит оранжевый луч.

И в тиши у ольхи иль осины
На копне восседает Иисус,
Вдаль глядя своим оком синим
На бескрайнее чудо – Русь.

«Что ж! Немало ты в жизни понял...»

Что ж! Немало ты в жизни понял,
Эта грусть в глазах – не обман.
Знать, не вынесли чудо-кони
Из болота тебя, хулиган.

Ты был тоже когда-то хорошим,
Ведь недаром любили тебя,
Но смешала пурга с порошей
И утихла, всё соскребя.

Помнишь, что-то шептали губы,
Брызги глаз, поглотивших мглу.
В дымке сизой желтели срубы,
Блеск реки уподоблен стеклу.

Томноокий, сиреневый вечер
Ты не понял и не сберёг.
Дым волос ниспадал на плечи,
Сердца бился слепой зверёк.

К дням ушедшим не будет возврата,
Ты пресыщен и вечно пьян.

И не знаешь, награда ль, утрата,
Если вдруг замолчит хулиган.

«Необычностью чудесен...»

Необычностью чудесен
Хмурый день осенний:
В музыке безмолвных песен
Предстаёт Есенин.

Для иных лишь ствол кленовый,
В веток ломкой пряже.
Облик милый, облик новый
Согревая, глажу.

Припадаю к хрупкой ветке,
С ней единым ставши.
Блекнет в паутины сетке
Песни лист опавший.

Позабыть родные песни
Суждено едва ли –
Журавлиный крик, как вестник
Царственной печали.

В птицах, в песнях, в них и с ними
Жизни бесконечность.
Плачет каплями скупыми
Тающая вечность.

«Тихую долину...»

Тихую долину,
Серебристый плёс,
Косогора спину
В сердце я унёс.

Громкий лай собаки,
Радужную взвесь,
Золотые злаки –
Край родимый весь.

Свет родного дома,
Тополиный ряд –
Мило и знакомо

Много лет подряд.

Щек румяных глянец,
Сильный и живой,
Парень-оборванец –
Всё во мне, со мной.

Знай, непостижима,
Матушка, ты, Русь!
Без судьбы нажима
На тебя молюсь.

1979 г.

Стихотворения разных лет

Баллада о казённой бане и домашней ванне

(сочинено в ванной комнате 24 декабря 1978 г.)

Мне говорят, что «кайф ловить»
Возможно только в бане,
Но мне приятней воду лить
В своей домашней ванне.

Лежу я в ванне, как король,
Мне Цельсий пятки варит,
А в бане ждёт иная роль –
Там банщик мозг изжарит.

Лежу в родимой – не иду,
Над бёдрами колдую.
В ином же месте, как в аду:
Там бес ревет, линчуя.

Мне говорят «Не тот парок,
Не та температура».
Но порка веником, дружок, –
Садистов процедура.

Нет, в секту тайную хлыстов
Я не согласен влиться.
Здесь с вас сойдёт по сто потов,
А как багровы лица!

Ведь в бане можно лечь костями –
Скончавшись от угара.
Родная ванна, внутрь прими,
Спасая от пожара.

В твоей утробе, как в раю,
Я ангелу подобен.
Иль песни громкие пою
Под душем – он удобен.

Или мечтой за облака
Я уношусь в отраде,
Что будто б мылю я бока

Русалке иль наяде.

Итак, всё ясно, господа,
Мне в бане – некрасиво.
Век не являлся бы туда,
Но я любитель пива.

Заклинание комсомольского активиста

Посвящается XVIII съезду ВЛКСМ

Солнце ласковой букашкой
С облака скатилось.
Утро радугою-пташкой
Вновь принарядилось.

Дождь прошёл, смочив дорогу,
Кошку, одуванчик.
Не молись иконе-Богу,
Деревенский мальчик.

Помолись лесам и долам
В солнечной оправе,
Где поют канонным хором
Соловьи в дубраве.

Помолись ещё старушке
С высохшей клюкою
И малютке-деревушке,
Мне, хоть и не стою.

Солнце вновь ушло в берлогу,
Вышел месяц-зайчик.
Не молись иконе-Богу,
Деревенский мальчик.

1978 г.

Матрёна

(сочинено в соавторстве с Андреем Васильевым)

Чёй-то сердце захолонуло,
Чёй-то кровь застыла в висках,
И чавой-то в жавот стрельнуло,
И застыл я, портянку сжав.

То невеста моя, Матрёна,
Доставала с полатей квашню.
Возопил я: «Уронишь, ядрёна!»,
Отвечает: «Не уроню».

Опасенья мои напрасны,
Ведь Матрёна сильней быка:
Её щёки – яблоки красны
И округлы её бока.

Я Матрёну люблю сердечно,
Лучше бабы мне не найтить.
Тут уж так мне стало потешно,
Ну да ладно – пора идтить.

1978 г.

Стихотворение Андрея Васильева, посвящённое автору

Пусть я – Седой¹, а ты – Копчёный²,
И с виду мы не Геркулесы.
Киваешь головой учёной,
Мудрец, поэт-крикун, повеса.

Ты чашу сердца наполняешь
Вином, с которого хмелею.
И, рассуждая, подливаешь –
Подмешивая мысли к зелью.

Я, как и ты, – дружу с искусством:
Строка – аккордом, звук – поэмой.
Но дружба не сильнее чувства.
(Ах, да! Я отошёл от темы.)

Парнишка бравый – то, что надо!
Легко живёшь в стихов стихии.
Границы нет у рая с адом.
То здесь, то там, ты – сын России.

Но почему ж России? Надо
Известия стрелой мгновенной
Весь мир пронзить. Эй, люди, рады?
Вот – сын Земли, вот – сын Вселенной!

Молчат людишки. Ну, Бог с ними!
От дел суетных мы их отрывать не будем.
Господь их сам создал такими,
Что толку бить в веселья бубен?

1979 г.

¹ Эрнест Седой – литературный псевдоним Андрея Васильева.

² Остап Копчёнов – литературный псевдоним Сергея Молоднякова.



Посвящение выпускникам 1984 года метеорологического факультета Воронежского ВВАИУ

(в соавторстве с Эдуардом Багрицким и не только)

Нас бросала молодость
На плацовый камень,
Нас водила молодость,
Строем – по нужде.
Присягала молодость
Брежневскому знамени
И желала здравствовать,
В круговой вражде.

Нас имела молодость
В караулах чёртовых.
Нас манила молодость,
Словно грудь четвёртого.
Строевым почином
Подчинили нас,
Старшиной, сучиной,
Исцелили нас.

Чтобы не глядели мы,
Словно волки – в лес,
Чтобы стали плотью мы
Славных ВВС.

Берегли мы молодость
От «сотского» сглаза.
Годы полосатили
Форменный рукав.
Не обезобразила нас
Знания зараза.
Выросли без принципов,
Коль росли без прав.

Вот мы, победители,
Глянцевито выбриты.
К нам как победителям
Всё плывёт само.
Позади нас – молодость,
Впереди ждёт молодость,
Полковая молодость: дамы и вино.



Новоземельское майское утро

(парафраз стихотворения А.С. Пушкина)

Мороз и солнце; день воскресный!
Голец готов, коньяк прелестный –
Пора, красавица, проснись!
Прогноз отличный, ясны взоры.
Служебные забудем вздоры.
Умойся и Звездой явись!

Вчера борá, как дьявол, злилась,
Метель при «минус двадцать два» носилась,
И штаба бледное пятно
Едва сквозь снега мглу желтело,
И ты печальная сидела –
А нынче... погляди в окно:

Полярный день, как прежде, с нами.
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Облезлый ДЭС-один³ чернеет,
И ДОФ⁴ сквозь иней зеленеет,
«Фекальный Шмидт»⁵ ледком блеснит.

Вся комната фонтанным блеском
Озарена. С веселым плеском
Свистит из батареи течь.
Устал я подставлять ей банки.
Так хочется послать всё к ... бабке
И хоть куда-нибудь убечь.

Велю-ка заложить карету,
Да не шикарную, а эту,
Что «гэтээской» здесь зовут.
Не много их осталось ныне,
Но, вам, как истинной графине,
Поломанную, но найдут.

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу

³ ДЭС – дизельная электростанция.

⁴ ДОФ – Дом офицеров флота.

⁵ «Фекальный Шмидт» – озеро Шмидта, расположено в центре посёлка Белу-шья Губа, куда, при отсутствии очистных сооружений, стекают канализационные стоки.

Неторопливой ГТС⁶.
Мы навестим дома пустые,
Площадки, прежде столь густые,
И кран, торчащий до небес.

Май 2002 г.



ГТС в ледяной пустыне

⁶ ГТС – гусеничный вездеход.



Дорога к штабу полигона и крану



Курсант Владимир Орлов. 1974 г.

Стихотворение курсанта Владимира Орлова

Фронты окклюзии прошли,
Но, Боже мой, какая жалость!
В глухой заснеженной дали
Метеостанция осталась.

Стоит она уж много лет,
Тая надежду перемены,
И льет прожектор тусклый свет
На дом с ромбической антенной.

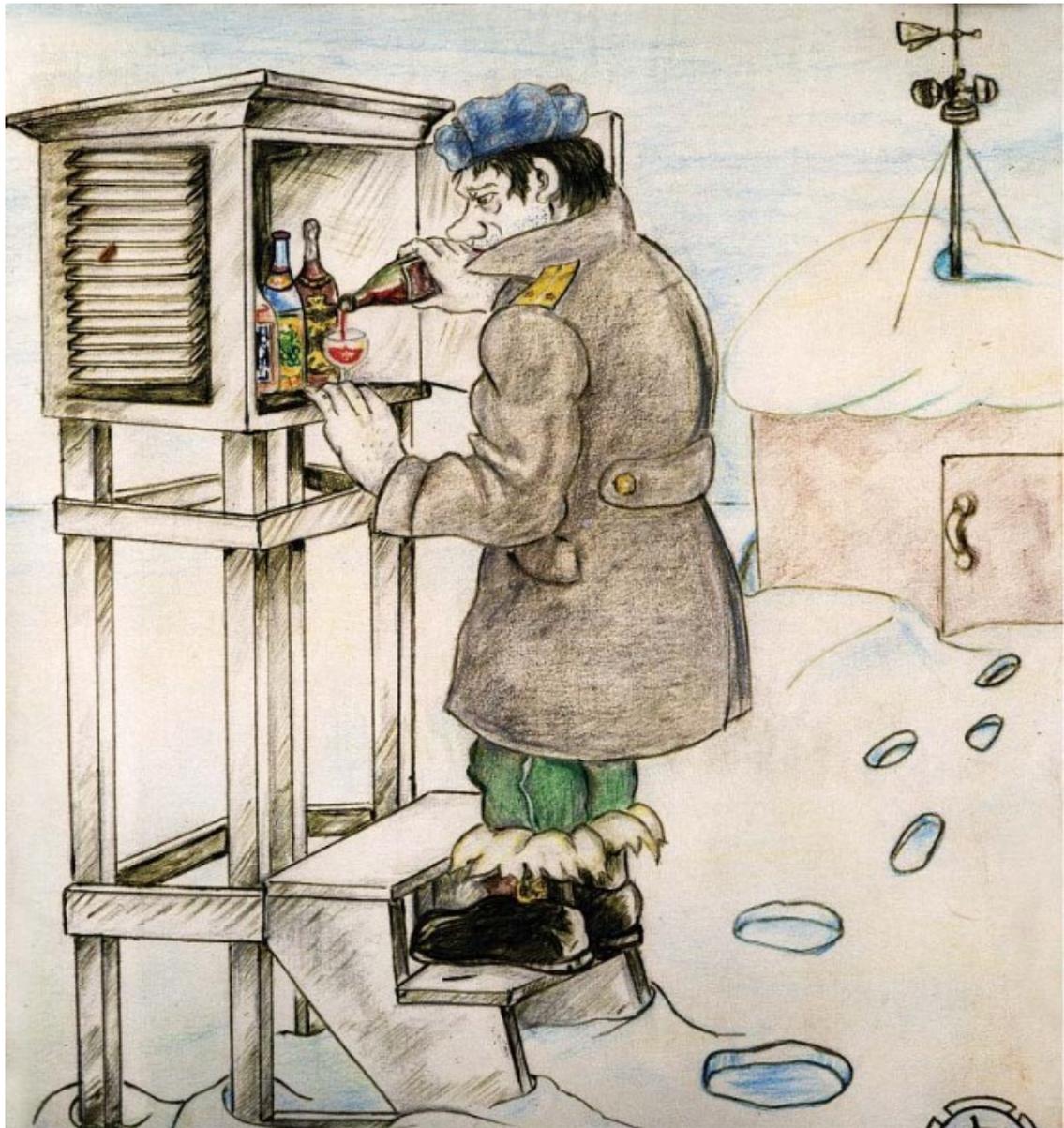
От теплых окон валит пар –
Седой, как стекла старых оптик.
И там, над группой изобар,
Всю ночь работает синоптик.

О, тундра, как ты хороша!
Богами и людьми забыта,
А у синоптика душа
Морозным инеем покрыта.

Творя божественный полёт,
Как будто встарь, как будто в ссылку,
Сюда раз в месяц вертолет
Привозит почту и посылку.

И каждой ночью ему снится:
В косе дочурки белый бант,
Весна и теплые зарницы,
И званье «старший лейтенант».

1975 г.



Так в военной авиации положено: ежечасные метеонаблюдения, с выходом на метеоплощадку и тщательным снятием показаний приборов



Начальник Гидрометеорологической службы Вооруженных Сил Российской Федерации (2004–2009 гг.), заслуженный метеоролог России, кандидат технических наук, полковник Владимир Николаевич Орлов, поэт, автор-исполнитель

В.Н. Орлову в день 50-летия

«Фронты окклюзии прошли...»,
А стих в народе задержался.
Как песнь воронежской земли,
Где ты с Любовью повстречался.

Где офицером стал навек.
Затем служить продолжил в Польше,
Но портил жизнь Валенса Лех
(Теперь уродов стало больше)!

Вот и настал известный срок,
Вам за Амур – с лихвой досталось.
Поэт, он все-таки – пророк,
Коль слово делом отозвалось.

Тайга в Приморье хороша!
Там, вопреки снегам и грозам,
Синоптик мудрый, чуть дыша,
Корпел над картой и прогнозом.

Прошло немало лет с тех пор;
Жена, два сына – что же лучше!
Да и с судьбой не кончен спор,
И бант блеснет в косе у внучки.

В Арбатском округе служить,
Не изменив себе и делу,
Умеешь жить, любить, дружить
И Службой управлять умело.

Кремль рядом, Генеральный штаб –
Пейзаж достойный к юбилею.
Умом ты тверд, рукой не слаб,
Душой остался всё ж «старлеем»!

27 мая 2006 г.

Тексты песен⁷ В.Н. Орлова

* * *

В кабинете муха бьется о стекло,
Так служить в Генштабе мне на..лб.
Я сам, как эта муха, и, право, не пойму:
Зачем весь день мотаюсь то в ГОУ, то в ГОМУ?

Припев:

Товарищи полковники, служите веселей –
Вы служите на грани генеральских должностей.
Судьбы своей солдатской не кляли никогда,
На службе этой б...кой прошли ваши года.
На службе этой ратной прошли ваши года.

Командир поддатый, «зам» – с утра косой...
Жизнь идет то черною, то белой полосой.
Генералам – х... ли? Им везде почет!
Скоро в кадрах службе моей сделают подсчет.

Припев:

Им нас не затрахать, через год – в запас,
И министр гражданский свой издаст приказ.
Как всегда, в Генштабе пусть все ходят на ушах –
Но только, знайте, держится все на «полкашах»!!!

Припев:

2005 г.

* * *

Кошка пьет из лужи...
Я никому не нужен...
Кому я на хрен нужен?
Ведь я, такой, как все!
Я в форме, но поддатый,
Небритый, бородатый

⁷ Благодаря именно таким ярким образцам творчества, рожденным в тяжкий для ВС период, мы ещё имеем вменяемый офицерский корпус. Низкий поклон В.Н. Орлову за психотерапию, особенно за «муху»

Шагаю я куда-то
По встречной полосе.

Таксисты объезжают –
Наверно, уважают!
А чайники сигналият:
Куда, мол, прешь, чудак!
Мне жить не надоело,
Кому какое дело?
И я шагаю смело –
Я отдыхаю так!

Навстречу мент скандальный,
Я слышу звон кандалный,
Но я такой нахальный –
Ни капли не дрожу!
Я – офицер Генштаба!!!
Служу я там не слабо!
По пятницам и в праздники
Я здесь всегда хожу.

И мент из уважения
Остановил движение,
Остановил движение
И взял под козырек!
Ведь был он тоже в форме,
И при ГАИшном корме,
Ну как в конце недели
Не выпить пузырек?

Я говорю: «Дружище,
В кармане – только тыща.
В кармане – точно тыща,
И нечего грустить!
Пусть я тебя не знаю,
Но службу уважаю,
Сердечно приглашаю
По рюмке пропустить!

А он все понимает,
Он головой кивает,
Он головой кивает,
Ведь он такой, как все.
Он круто развернулся,
Он, как и я... разулся
И зашагал со мною
По встречной полосе!!!!

2006 г.

Поэмы

Сон

Фантастическая поэма

Любимым поэтам посвящается

I

В неземное утро мне снится:
Пред моим замёрзшим окном
Появилась вдруг колесница,
Засверкав при свете дневном.

В золотой возок запряжённы
Три прекрасных белых коня.
Я стоял в снях, поражённый,
Алкогольный туман кляня.

Бьёт копытом в земь золочёным
Тонконогий конь коренной,
Ухмыльнувшись ликом точёным,
Разнуздался, идёт за мной.

Что за диво – вмиг потемнело,
Молний стрелы пронзили снег,
Не кричал я, не онемел, но
Предо мной стоял человек.

Боже мой! Я узнал его, братцы,
Невменяем стал: сам не свой,
Сел в сугроб, стал в снегу валяться:
Саша Пушкин стоял живой.

II

Мановеньем его прогоняю,
В исступлении прошу сгинуть прочь
И себя в душе проклиная:
«Ах, зачем я так пил в эту ночь!»

Крепок дух, что настоян на сене,
Или ты будоражишь, пьяня,
Подбегает Сергей Есенин,
Миша Лермонтов вместо коня.

Говорят все: «Ужели не рад?
Успокойся же, Ося, милый,
Позабудь дивный сей «машкерад»,
В кабаке восстановишь силы».

Поднимают – опять я высок,
Сам иду: не подобие груза,
И, смеясь, покидает возок
Не старуха-княгиня, а Муза.

III

Трактирщик приглашает нас за стол
Немного выпить, просто отдохнуть.
Я с Пушкиным такую речь завел:
« О, Александр, я не могу уснуть!

Мне вдохновенье не даёт покоя,
Но должен я с покорностью немой
Уйти от радостного аналя...
Да! Душу сковывает призрак твой.

Ты знаешь сам, писал всегда прекрасно,
Как солнца луч, струился твой язык,
А я пишу – мне самому неясно:
О чём, зачем?»
–«Ты, верно, не привык, –
Мне отвечает гений чуть лукаво, –
К чему младое сердце принуждать?
Ещё не венчан с громкою ты славой,
Но уж недолго».
–«Нужно подождать?»

Блажен я был. Речей прекрасных звуки
Земных богов я слушал до конца,
К бокалам пенистым тянулись наши руки,
Чуть отрезвляя пьяные сердца.

Цыгане пели жалобно-лимонно,
Да на дворе метели скучный свист
Мишель пьянел и всё неугомонно:

«А не сыграть ли нам, сеньоры, в вист?»

IV

Мы веселились шумно, но с опаской:
За буйство от потомков нагорит.
«Я это опишу в «Москве кабацкой», –
Поморщив лоб, Есенин говорит.

«Имён не будет, и какого беса
Мне их писать, я не настолько пьян.
Но всё же, Александр, ты был повеса,
А впрочем, я сегодня – хулиган.

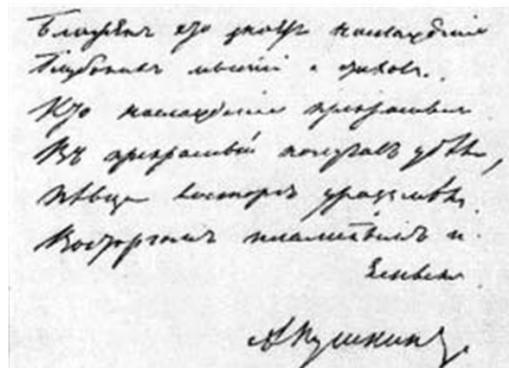
Айда туда, где роща золотая!
Она всё чаще снится мне во сне».
«Ко мне в Тарханы, – Лермонтов, зевая, –
Хоть там вольготней, право, по весне».

Жаль, не было коней и даже брички,
В трактире кончился запас вина,
Пошли ко мне и пили по привычке,
Стихи читали хором дотемна...

P.S. Конечно, я проснулся, успокойтесь.
Коль сон таков, то что с него вам взять.
Спокойствие, общественная совесть!
Я не унижил признанную знать.

На брудершафт не пил я с Маяковским,
Не видел Байрона навеселе...
Я соглашаюсь, прикрывая доски,
Где пушкинский автограф на столе.

17 февраля 1979 г.





Господа юнкера, кем вы были вчера? А сегодня вы все офицеры.

Встреча

Военно-лирическая поэма

А. Васильеву

I

В уездном захудалом городишке
Я тосковал один в глуши степной,
Почитывал пузатенькие книжки,
Да верный пёс лохматый был со мной.

Текли тогда размерено и тихо
Недели отставного чудака,
Жизнь бивака в походе, в злое лихо
Забылась, стала как-то далека.

Немудрено. Однако прошлым летом
Трясину скуки разрывает слух:
Драгунский полк в сияньи эполетов
Прибудет сватать барышень-толстух.

Не только их, но эдаких в избытке
В провинциальной нашей стороне:
Перекормили, верно, прямо в зыбке
Несчастных. Я привержен старине.

Не нашей, пусть отважной, но сермяжной,
А эллинской, когда, людей воспев,
Цвели тела и в пику знати важной
Я не любитель рубенсовских дев.

А между тем семейства всполошились:
Рядить в обновы дочку, кто – двоих.
Во всём на волю божью положились,
Но не жалели рук и ног своих.

Числа седьмого, впрочем, было в среду
Весь город изменился, наряжен:
Получше молодца позвать к обеду
(Побольше сделать из дочурок – жён).

II

В кресле спать я был тоже не в праве,
Прискакал, вижу в дымке – драгун,
К городской подъезжавших заставе,
И красив знаменосец, и юн.
Впереди – адъютанты лихие.

Ах, красавицы чуть смущены,
Хоть и ведают чувства благие,
Но мосты их сердец сожжены.
Эскадрон эскадроны меняет,

Громко крикнув, пропели: «Ура-а!».
Уж семь лет среди этих меня нет.
Что поделать – всему есть пора.

Много храбрых и чуть франтоватых
Заступало под тени знамён,
Не упомянуть, и как всех назвать их,
Генерал мой в пример приведён.

Был мастак он на всяки таланты,
И в бою – впереди грозный муж.
...Позади тащат скарб маркитанты,
Объезжая спокойствие луж.

III

Стою в толпе и «о, Создатель!»,
Мелькнул на лошади гнедой
Старинный полковой приятель
С полуседою головой.

В пляде славных офицеров
(«Как он прекрасен!»— слышу стон)
Мой друг – Георгий Староверов,
Меня заметил, удивлён.

Подъехав, тут же ловко спрыгнул
(Мелькнул полковничий погон),
Обнял, спросил, куда я сгинул
Узнал мой адрес – и вдогон.

IV

Неслышно летний вечер настаёт,
Пора ему прийти, он не идёт.
Но звякнуло на воротах кольцо,
Вбегают кто-то быстро на крыльцо.

Конечно, он стоит, прищутив глаз:
«Послушай, опоздал на целый час.
Прости меня, обиды не тая,
Виной всему, клянусь, не только я!»
И вот уже сидим мы за столом
Вовсю едим, ну и, конечно, пьём.
Речь завели о прошлом, о друзьях
Кого убили, кто, как я – монах.

И дёрнул черт, спросить в хмельном тумане,
О некой дама – Луговской Татьяне,
Её любил он. Может, этот пыл
Со временем стремительным остыл.

Молчал Георгий. Вечер истекал.
Лишь осушив осмнадцатый бокал,
Поведал он о той, кого искал.

V

«Лет десять или более прошло,
Когда наш бравый полк входил опять
В то небольшое русское село,
И довелось Татьяну повидать.

Едва подъехав, обратил я взор
На белый дом и пруд невдалеке,
Всё вспомнил: и её немой укор,
Глаза в слезах, цветы дрожат в руке.

Мозг воскресил, пьяня, девичий стан,
Конь подо мной гнедой летит стрелой.
Любовь иль смерть! Весь мир или обман!
(Случается подобное порой).

Вот и усадьба. Полон страсти пылкой,
Вбегаю по замшелости ступень.
Назвался. Жду, и ожиданье пыткой

Мне кажется, минута длится – день.

Вдруг – барыня с фигурой бутылки,
Сгинь, наважденье! Вон исчезни, вон!
– Татьяна! Таня! Ты ли это, ты ли?!
Я, верно, сплю. Какой кошмарный сон!

Ей заглянул в потухнувшие очи –
Она глядит вокруг – сова-совой.
О, неужель безрадостные ночи
Так страшно изменили облик твой?

Ищу, не находя улыбки прежней,
Улыбки глаз, что неба голубей,
А на физиономии небрежной
Улыбка есть, но нет её глупей.

Я, поражённый этой переменой,
Какое-то проклятье произнёс,
Она же предлагала мне отменный,
Для фуража назначенный овёс.

Но не дослушал и ретировался,
Давно я так, признаюсь, не скакал...»
Невесело полковник рассмеялся
И выпил девятнадцатый бокал.

1979 г.



В поисках истины

Историческая поэма

ПОСВЯЩЕНИЕ

Увы, прекрасная Венера,
Я поднимаю пыль завес
Не для тебя. Моя премьера
О власти, о тебе, Зевес.

Пусть обретут свободу руки
И непредвзятость пусть глаза
Клянусь! Не только ради скуки
Растёт поэзии лоза.

Саднится сердце, кровь из раны
Течет рифмованной строкой.
Вас опишу, цари-тираны,
Противен мертвенный покой.

Всё, что солгало, Правдой стало
Всё чистое зовётся – Ложь,
Всегда, где золото блистало,
Сверкал холодной сталью нож.



Глава 1

(г. Рим, 45 год до н.э.)

Богами властью одарённый,
Сам возвеличенный как бог,
Гай Юлий Цезарь, окружённый
Толпой идёт, но вышел срок.

«Послушайте, друзья!» – и, что же,
В глазах их помутился свет.
Как вот над ним уже, о, Боже!
Вознёсся молнией стилет.

Стилет взвивался, и недаром –
Кромсал надменные черты:
Гай опускался под ударом,
Шепнув чуть слышно: «Брут и ты...»

Стена пугающе раздета,
Слепит постельной белизной.
Течёт из статуй в тело Лета,
А череп иссушает зной.

Мозги сжимаются от боли,
Глаза краснеют из орбит.
Тот, кто искал бескрайней воли,
На мраморе лежит убит.

Лежит властитель, в плащ завёрнут,
Гримасой смерти изменён.
Тлетворной немочью подёрнут,
Белее глыбы мела он.

Пал своенравный император
Под изменившею рукой,
Как ослабевший гладиатор,
В крови своей нашёл покой.

Перешагнув чрез труп кровавый,
Брут тогу ловко отогнул
Имперский жезл, венчаный Славой,
В его руке, как меч, сверкнул.



Глава 2

(Александровская слобода, 19 ноября 1581 года)

I

Москва – древнейшая Руси столица,
Ты не забыла властного царя.
Иль чёрным вороном он над Кремлём кружится,
Иль коршуном, за государством зря.

Пустынны в Слободе стоят палаты,
Где взор ласкают злато и сафьян
В них трепетом почтительным объяты
Все. В них – Грозный царь Иван.

Вот он сидит, скуластый, остроносый,
И много лет прошло с тех давних пор,
Как правит он и множит тел отбросы.
С ним сын его, у них как будто спор?

–О, нет, отец! А тот, длань простирая.
Неистово вопя: «Молчи, щенок!»
Слепому бешенству, не зная края,
Бьёт сына посохом в тугой висок.

Крик жалобный – и рухнул бедный отрок.
Кровь видя, удивлён: глаза чисты.
...Споткнувшись о кровавый тела свёрток,
Бежит старик, и рушатся кресты.

II

Туман кровавый пред глазами скачет.
Сжал голову: гудит в ушах набат;
Ржёт конь, а показалось – мальчик плачет,
Зрачки окрасил огненный закат.

Безумец старый бродит в тёмной зале,
Зловещие чертя по ней круги.
Чу! Крики, плач и государя звали.
Боярин входит, затая шаги.

«Мой государь, прости! Царевич умер!» –
И в ужасе дрожит, упавши ниц.
О, пытка! Ум не подчинился думе.
Лицо расплылось на десятки лиц.

Кривя с трудом оскал в натужной муке,
«Уйди!» – хрипит и дышит чёрным ртом.
Тревожно слыша в каждом сердца стуке:
«Сыноубийце – ад на свете том!»

Рука дрожит, сжимая тяжкий посох.
Иван ужасен, бледен: сам не свой,
Отбросил жезл, и тот поверху досок
Лежит, крича кровавой полосой.

Ш

Темнеет. Тихо входят ночи тени,
В углу скрипит и плачет карлик-тролль.
Царь молится, спустившись на колени,
И, притупляясь, утихает боль.

«Погиб сынок! Прими его, Владыко.
Боюсь расплаты: немощен и стар.
Прости мой грех, иначе вражье лихо
Сомнёт опричников, да и бояр.

Завянет дело жизни. Обнищая,
Русь вновь падёт, тогда всему – конец.
И, новый храм воздвигнуть обещаю,
Христа лобзает в золотой венец.

Глава 3

(Англия, 1647 год)

I

Лежит в густеющем тумане
Державный старец Альбион,
Идут на Лондон пуритане;

Король их наглостью взбешён.

Рукою женственной лаская
Щенка изысканных кровей,
Карл, жестом канцлера впуская,
Желает знать о всём скорей.

«Сир, опасения напрасны, –
Милорд заверил короля:
Идут бродяги и прекрасно.
Сотрём их в пепел, о-ля-ля!»
Ещё не знают эти оба,
Как близок их пути конец.
Как скоро хладной крышкой гроба
Придавлен будет он – мертвец.

Когда в стране нет твёрдой власти,
Два лагеря: народ и царь –
Пылают и тела, и страсти,
Сейчас не так, так было встарь.

II

С лицом, под стать мясному блюду,
Вождь люда Кромвель, а за ним –
Рвань черни, стёкшись отовсюду,
Стоит полком и не одним.

Что привело сюда несчастных?
Жизнь, источающая стон!
Верхи ж к Виктории причастны,
А этим – погребальный звон.

Сошлись войска близь деревушки,
Вопрос поставлен: он иль мы?
Луг, что топтали лишь пастушки
Стал центром боя и страны.

III

Ласкает ветер локон русый,
Клинок блестит в руке, кровав.
Милорд сухой и седоусый,
Споткнулся, вскрикнул, грудь зажав.

Хрипят изрубленные губы,
Сапог на горло наступил,
И звуки тяжелы и грубы.
Мартс полноу чашей крову испил.

Но что за крик? – «Нет Карлу веру,
Бежал король, сбежал, подлец!»
Лежат на поле кавалеры,
Бесславуый обрета конец.

...Бой кончен. Участь предрешили:
Топор, палач – ликует голь.
Реформы сочинять спешили,
И новуый восходил король.

Глава 4

(о. Св. Елены, 1821 год)

I

Пав жертвой не одной измены,
В свой ум и пыл влюблён,
На острове Святой Елены
Стоял Наполеон.

Как много было верных лиц,
Как радостно порой
Виденье: в дымке Аустерлиц
И снова он – Герой!

...Ряды сомкнуты. В пешем строе –
Регалий пёстрый ряд.
Все мысли были о Герое;
В бой шли, как на парад.

Вперёд! И, шаг не ускоряя,
Идут лицо к лицу.
Раскрыты настежь двери рая,
Потворствуя свинцу.

Свистит, грохочет, давит, рубит,
Рвет чувственную плоть.
Как тшат окровавлены люди

Друг друга проколоть!

И жерла пушек раскалённы,
И барабанов дробь;
Листвою прикрывают клёны
Разбрызганную кровь...

II

Взор затуманен, губы сжаты –
Воспоминаньем полн,
Забыл: не с ним его солдаты,
А шум от хладных волн.

И гаснет яркое виденье,
Взор осязает явь.
Шептали зло: «Пришло отмщенье,
Смирись и Бога славь».

Когда и где судьба сменилась?
Где роковой предел?
Бог дал позор и отнял милость
Когда? И вдруг прозрел.

О, море – вечная стихия!
Как ты, страшна она
Без края и конца – Россия,
Холодная страна.

Всё вспомнилось: леса и доли,
Москвы печальный звон
И, затеня все престолы,
Стоит российский трон.

Но голод – страшное мученье.
Их выгнал на мороз.
Под дьявольское волчье пенье
Смертельный шёл покос.

Бежали все, всё оставляя...
Стыд, Франции сыны!
Вас добивали, окропляя
Брега Березины...

...Вода и скалы. Как жестоко
Вокруг бушует шторм!
Стервятник кружит одиноко,

Разыскивая корм.

ЭПИЛОГ

Напрасен труд, я сознаю ошибку,
Истории закрыв тяжёлый том,
Что видел в нём: предсмертную улыбку,
Убийства, осенённые крестом.

Листать устал кровавые страницы,
Впитавшие эпохи и века –
Опустошив бездонные глазницы,
Набрякла кровью каждая строка.

Стал, уподоблен чистоте кристалла,
И, путь осмысля, повторяю всё ж:
Всегда, где власти золото блистало,
Сверкал холодной сталью нож.

Апр. 1979 – окт. 1980 гг.

Эпистолярная поэма

(в трёх посланиях)

ПОСЛАНИЕ ПЕРВОЕ

Сергею Александровичу Молоднякову от Сергея Генриховича Мартина

*О, Сергей, мне близок стал до боли,
Твой напевный, искренний язык.*

Остан Копчёнов

Направив некогда письмо,
Мечтал я получить ответ:
Две строчки, слова два всего.
Узнать, хоть живы вы, иль нет.

Не осуждаю, не виню,
Не искажайте слов моих.
Я вас по-прежнему люблю
(Как и оставшихся троих).
Я был бы рад узнать от вас,
Что жизнь вольготна и светла.
Что отдыхаете сейчас,
Оставив все свои дела.
Забот поменьше – вот что я
Вам пожелаю в этот час,
И в ратный праздник февраля
Восславлю каждого из вас.

Судьбе угодно было взять
И разбросать по сторонам всех нас,
Но будем вместе сроков ждать,
Ведь повстречаться надо нам.

Концессия⁸ должна всегда –
Взрослеть, расти и процветать.
И даже в трудные года,
Нельзя сей дружбы потерять!

⁸ Концессия – общество курсантов с весьма ограниченной ответственностью, основанное на ежевечерних практиках чайных (и не только) церемоний.

Прости за смелые слова,
Не прокляни и не зарежь,
За пробу дерзкую пера.
За сим прощаюсь,
Мартин Серж.

10 февраля 1986 г.

*Аэродром Кандагар,
Демократическая Республика Афганистан*



Концессионеры почти в полном составе: С. Мартин, С. Молодняков, О. Аганин, И. Пти-
цын

ПОСЛАНИЕ ВТОРОЕ (ответное)

Сергею Генриховичу Мартину от Сергея Александровича Молоднякова

*Мечтал я получить ответ:
Две строчки, слова два всего...*

Серж Мартин

Слова-слова, едва ль, едва
Надежды сохранялась нить...
Не два, а двести двадцать два

Готов я вам сейчас излить.

Не знаю, вправе ли, мой друг,
Я трогать прах святых могил?
Замкнулся лучезарный круг –
Остап ушёл от нас. Почил.

Великий муж был – не дурак!
Умел сказать – красиво, зло.
Увы, когда-то было так,
Затем куда-то всё ушло.

Да будет так! И пусть Поэт
Ушёл, но, Вестник облаков,
Сегодня пишет вам ответ
Синоптик Серж Молодняков.

А он для вас не критик – брат
И также сохранил в душе
Воспоминаний добрых ряд,
Готовых прошлым стать уже.

Но прав любой из пятерых:
Минует чаша нас сия.
Потомки будут петь о них,
И тем жива Концессия!

О том мы сложим эту песнь,
Что дружбе тесен шар земной.
А дабы с Гоши счистить плесень,
Его заставим спеть – за мной.

Пусть сложит про холмы и вдов,
Дорогу пыльную, туман⁹
(На занятость сошлётся вновь
И не напишет, басурман).

Теперь немного о своём:
Я жив. Оставив шумный свет,
Вновь прозябаю, впрочем, нет,
Мы это – службою зовём.

Дни – в суматохе разных дел,
Из сотни – успеваю пять.
Почти готов себя распясть
(Распял бы, если бы умел).

⁹ Единственный известный стих Игоря Тихоновича Птицына: И вновь дорога вьётся, Пыля среди холмов. Как нитка, жизнь порвётся, Плоды нам новых вдов.

Несу свой крест куда-то вдаль
И сожалею лишь о том,
Что холоден мой новый дом –
Друзей в нём нет. Чертовски жаль!

И мудрость вечная права,
Мне старый друг – во всём пример.
К тому же – концессионер,
Он – сотня новых, а не два!

P.S.

Настанет долгожданный час:
Сойдутся горы и холмы.
То будем, безусловно, мы,
А Чук – солиднейший из нас.

21 февраля 1986 г.

*Аэродром Тирасполь,
Молдавская ССР*

ПОСЛАНИЕ ТРЕТЬЕ (заключительное):

Сергею Александровичу Молоднякову от Сергея Викторовича Щукина

Привет, наш милый друг!
Супруге наш привет.
Ещё ты в негу погружён,
А уж готов ответ!

Пишу тебе, мой милый друг,
Как видишь, в тот же час,
Когда поэзии Пегас
Уж мчит меня, – и я презрел испуг!

Спешу уведомить тебя, родной,
Послания я получил намедни.
Прочёл, остолбенел, как стоя у обедни.
Ба! Все кругом поэты! Боже мой!

Как ровен стих, метки как выраженья,
Мой друг, прости, не о тебе здесь речь –
Твой стих давно пора классическим наречь,
Но, Серж, воистину, достоин удивленья!

А как же мы? Законен сей вопрос!

Ужель средь девственной природы водокрасной
Из нашей секции Концессии прекрасной
Какой-нибудь поэтишко не взрос?

Смотрю на Птицына, в его бездонны очи,
А тот уж сам не свой – уставился в окно.
Да и понятна аксиома та давно,
Твержу её и дни, и тёмны ночи:
Стрясти яйцо полегче с петуха,
Чем с Птицына, хотя бы треть стиха!

.....

Благословения у неба попрося,
Я думаю: чем лысый чёрт не шутит?
Меня армада рифм уж явно не замутит.
Скорей чернила мне и перья от гуся!

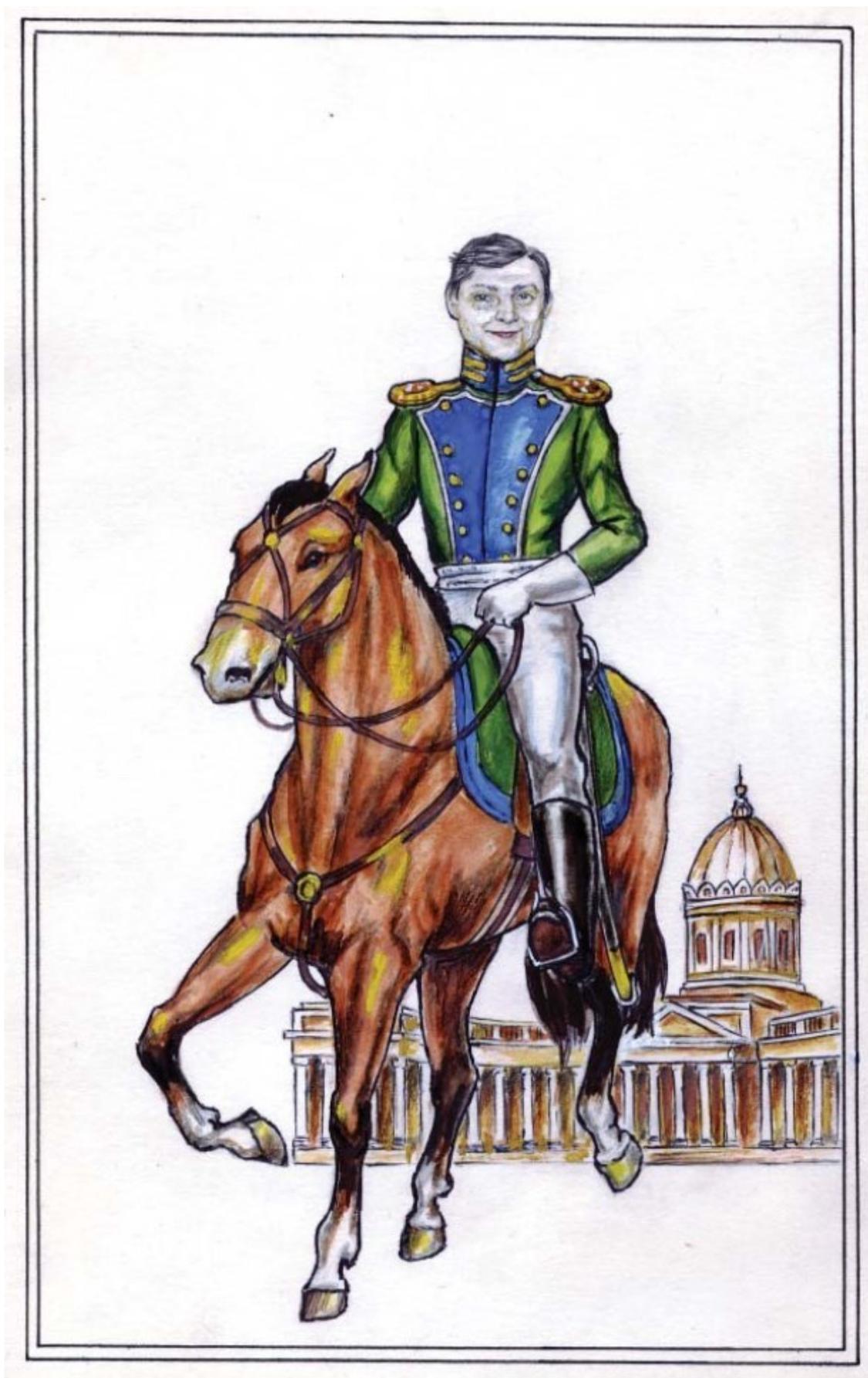
Мой друг, давно тебя хотел спросить,
Как пишешь ты, какой подход тут нужен?
И я ведь знаю грамоту и вроде не контужен,
Но что-то стало тихо так бесить.

Свидетель Бог – я бился два часа,
Но, кроме строк, каких учили в школе:
«Я к Вам пишу – чего же боле?»
Не выдумал, лишь вздыбил волоса.

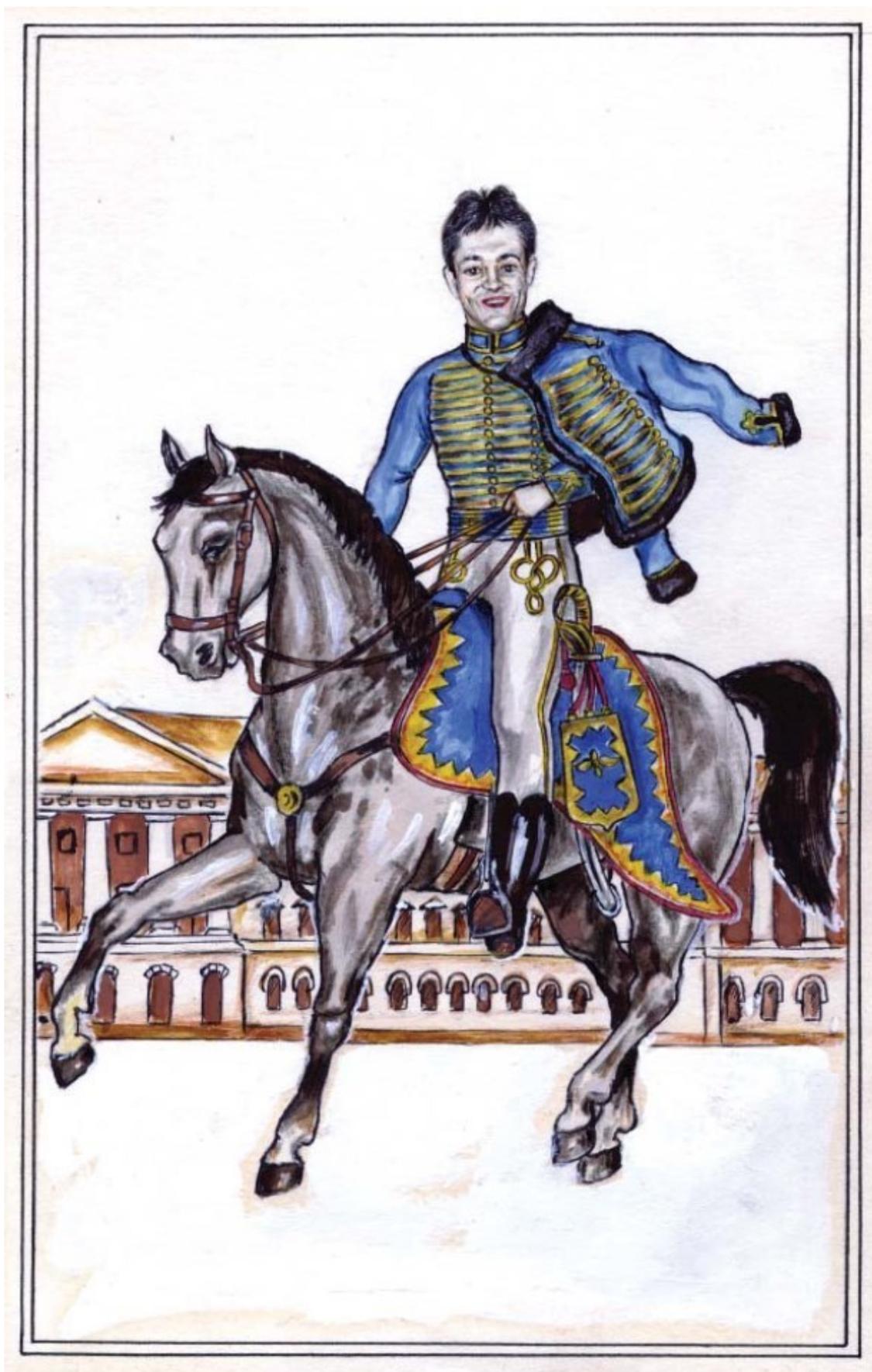
Сошлись мы с Игорем достойно
В одном, что проза нам родней.
Стишок черкнём – потешить чтоб друзей.
Но хлеб не отнимаем. Спи спокойно!

1 апреля 1986 г.

*Аэродром Красноводск,
Туркменская ССР*



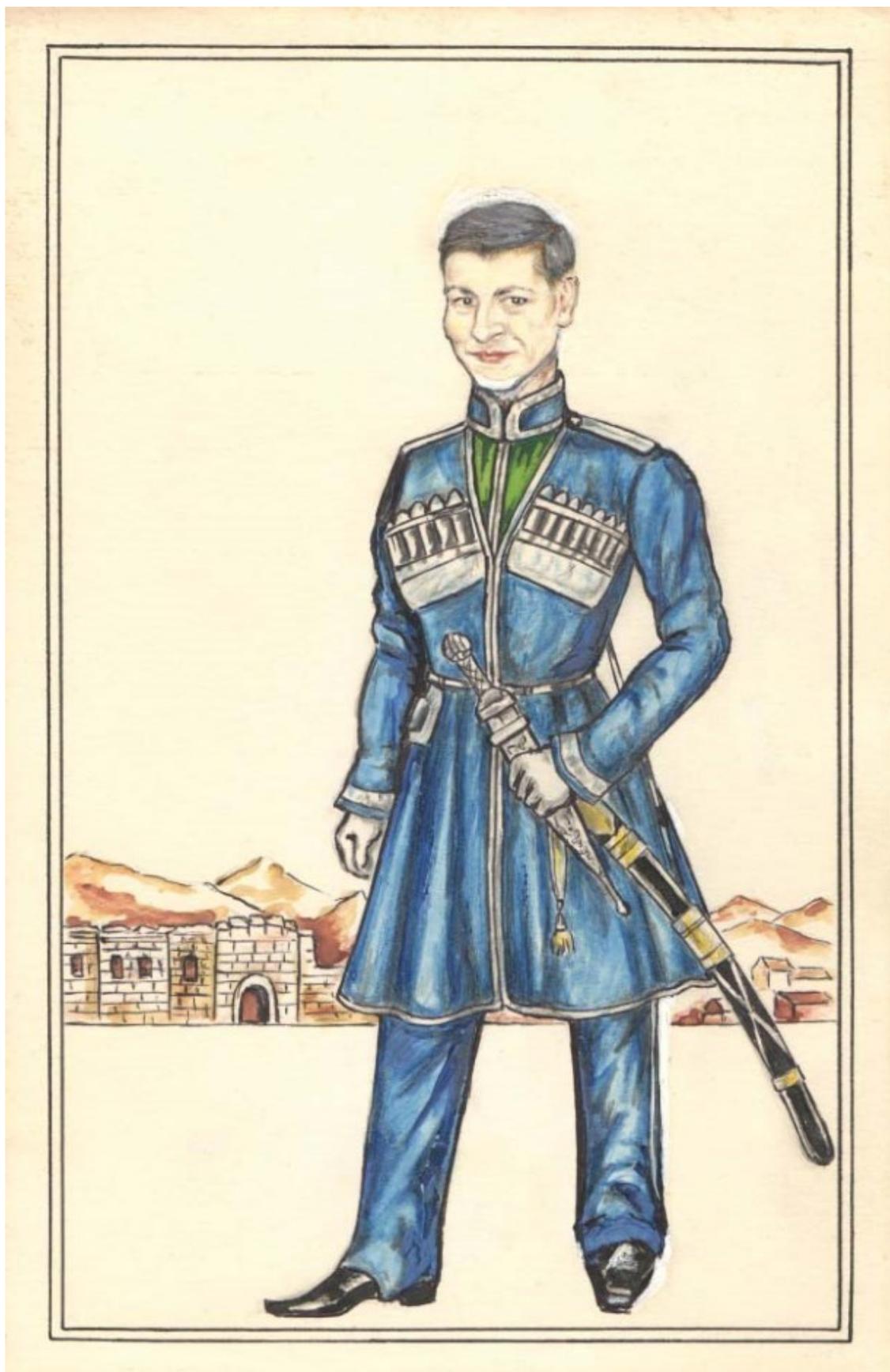
Сергей Генрихович Мартин



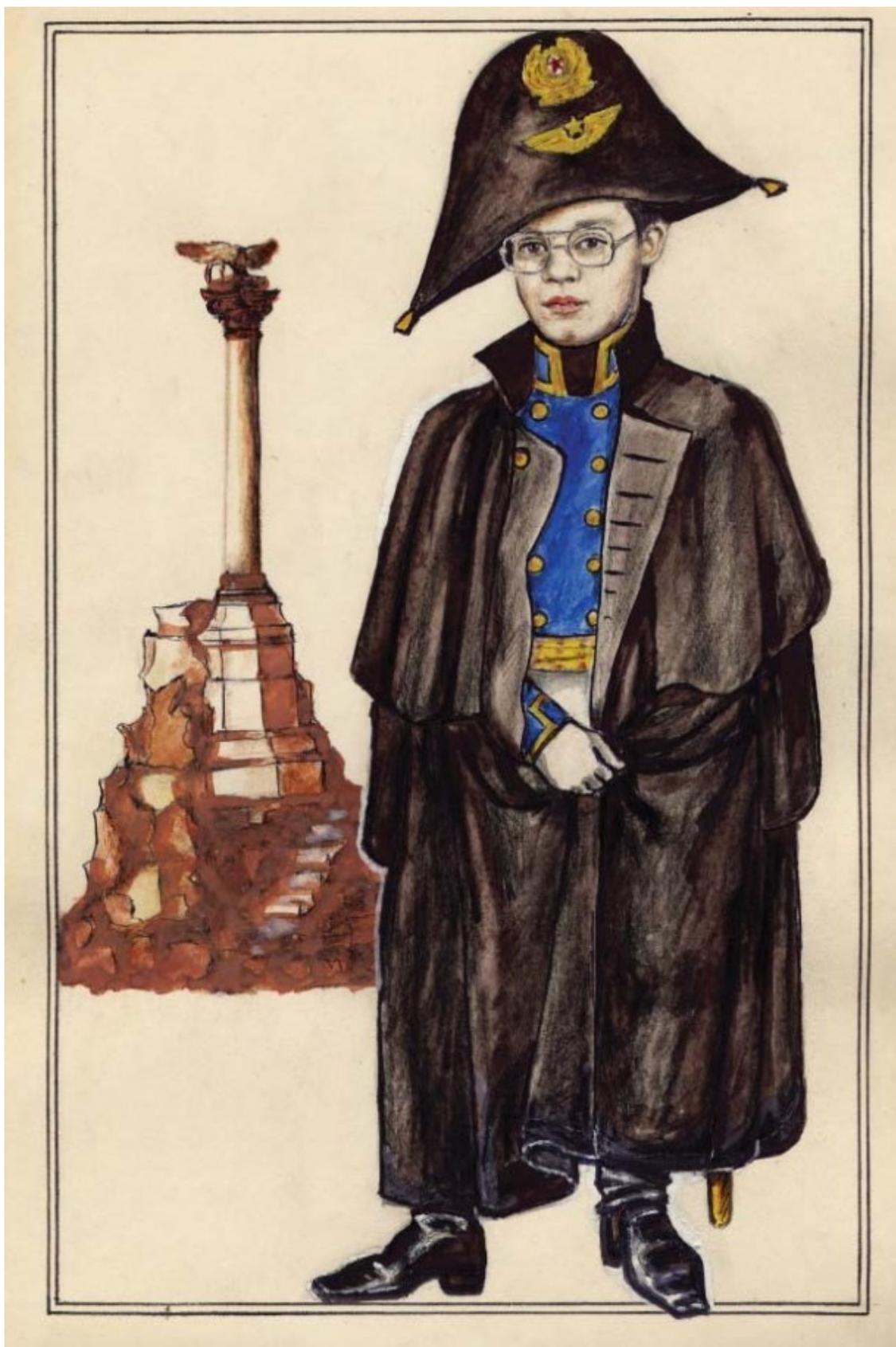
Олег Борисович Аганин



Сергей Викторович Щукин



Игорь Тихонович Птицын



Сергей Александрович Молодняков

Проза

Восемь суток, проведенные на поселении Новая Благуша, близ большого картофельного поля

Быль

Записи из дневника курсанта 151-й учебной группы Сергея
Молоднякова в литературной обработке Остапа Копчёного



Курсант Сергей Молодняков



Остап Аполлинариевич Копчёнов

Действующие лица и исполнители:

1. *Работный люд, романтики, Робин-гуды, соловьи-разбойники, отъявленные донжуаны, таинственные личности, полуголые дикари, первопроходцы, обнаженные аграрии, избалованные отдыхающие, юмористически настроенная толпа, вереница людей, отчаянные головы, братцы, выходцы с того света...* – все это и еще многое другое – курсанты 151-й, 152-й, 153-й, частично 154-й учебных групп V курса I факультета Воронежского ВВАИУ.

2. *Аганин, Олег Аганин* – Олег Борисович Аганин, умнейший человек с пышной шевелюрой.

3. *Сергеа, Генрихович, Сергей Мартин* – Сергей Генрихович Мартин, благороднейший человек с берегов Невы.

4. *Гога, Гоша Птицын* – Игорь Тихонович Птицын, человек, приятный во всех отношениях.

5. *Чук* – Сергей Викторович Шукин, милейший в обращении человек.
6. *Кинстинтин* – Константин Харченко, веселый человек.
7. *Добровольский* – Сергей Добровольский, битломан, т.е. хороший человек.
8. *Кирюха* – Сергей Кириченко, умиротворенный человек.
9. *Крюк, Игорь Крюков* – Игорь Крюков, вольноопределяющийся, музыкальный человек.
10. *Шпанов* – Юрий Шпанов, противоречивый, глубоко несчастный человек, начальник курса, майор.
11. *Калинаичев* – Александр Калинаичев, предприимчивый, склонный к полноте человек, курсовой офицер, капитан.
12. *Князь* – Владимир Князев, невысокий человек в очках.
13. *Москалев, старшина Коля, мичман Вова*, отрицательные персонажи.
14. *Жека Брежнев* – Евгений Брежнев, простой человек, не родственник и даже не однофамилец.
15. *Дюйм* – Игорь Попов, высокий человек с кинопередвижкой.
16. *Макс* – Сергей Демакин, здесь человек из народа, с лопатой.
17. *Мыши, лягушки, хомяк, собака, рыбы* – твари Божьи.
18. *Комары, мухи, колорадские жуки* – просто твари.
19. *Картошка* – картофель, продукт питания, главное действующее лицо.

От автора

Желаю заранее предупредить, что нижеизложенное не является художественным сочинением, приукрашенным полётом свободной фантазии.

Это дневник, как и всякий иной, не претендующий на историческую панорамность и абсолютную точность.

Все записанное здесь является лишь субъективным, глубоко личным восприятием автора конкретной ситуации, в коей довелось оказаться ему и его давним знакомцам.

Однако ценность сих наблюдений не вызывает сомнений, хотя бы потому, что это единственное рукописное свидетельство столь великого времени и столь героических событий.

Предыстория

В городе В. на берегу невеликой реки, давшей свое имя нашему великому городу и в награду за это утопленной в собственных водах, стоит одинокая группа краснокаменных зданий стиля очень поздний ампи́р.

Взгляд несведущего увидит в этом грациозном ансамбле учреждение типа центральных бань или заброшенных пакгаузов. Но знающие истину патриоты города улыбнутся этому поверхностному суждению, ибо перед нами – краса и гордость города В., незабвенной памяти во все времена и народы – *Воронежское высшее военное авиационное инженерное училище*.

И пусто оно не стоит. И живут в нем люди: по национальности – военные, по вероисповеданию – курсанты.

Они жизнелюбы и почти все поголовно поэты и эстеты. Любят все красивое и возвышенное, любят и повеселиться, особенно... да, угадали.

Так вот, для удовлетворения данных культурных потребностей (для заготовки прокорма на всю Орду) в урочный час была снаряжена экспедиция старейшего курса в глубины черноземных прерий.

К тому же сия акция символизировала живую связь колхозов «Путь к коммунизму» и «Путь к офицеризму».

Итак...

3 сентября. Суббота (первый день)

...Итак, сельскохозяйственная эпопея началась сегодня, в 10 с минутами. Работный люд был загружен в машины, явно не предназначенные для перевозки живых существ. Сидели преимущественно сами на себе. Ехали весело. Сначала, правда, поживались от встречного ветра, затем, закочнев, стали любоваться ландшафтом, забыв о мелких неудобствах.

По сторонам простиралась на редкость живописная панорама.

Пересекли черту города, очаги культуры, к нашему удивлению, не исчезли. Например, следуя по пригороду Новой Усмани, мы заметили такие зачатки цивилизации, как клубы, сберкассы, бани и кладбища.

Далее протекторы печатали свой рисунок в Верхнехавском (поэтичное название!) районе. И каково было наше удивление, когда буквально через несколько минут мы оказались на благословенной земле Франции.

Да, вопреки догмам географов, вокруг тянулись предместья Парижа. Об этом нас известили: табличка у дороги и красочный придорожный транспарант. Надписи по-русски гласили: «Парижская коммуна».

Вскоре появились и первые француженки и французы. Внешним видом они несколько отличались от привычных представлений и шли в компании с вполне отечественными на вид коровами, но согласно указателям это были французы, к тому же коммунары, и мы дружно приветствовали их: «Vive Republique Française!».

ОНИ отвечали кратко по-русски.

Как-то незаметно пересекли государственную границу и вновь оказались в России, во владениях колхоза «Путь к коммунизму». Оставили слева последний населенный пункт, свернули направо. Попылили по просёлочной дороге, миновали симпатичное болотце, оригинально затянутое бурой тиной с вкраплениями зеленоватой ряски.

Ну вот, мы и дома!

Оттаяли. Заметили, что стоит жаркий, солнечный день. Сняли шинели, затем куртки, затем ещё что-то и ещё кое-что и остались в... том, в чём остались.



Приспосабливали сей райский уголок под жильё. Обитаем теперь в палатках казарменного типа, вместимостью 25 человек, т.е. 35–40 курсантов.

Почивать будем на столь знакомых в молодые годы двухъярусных кроватях.

Оборудование и удобства: кухня полевая, телеприёмник, кинопередвижка времен братьев Люмьер, электричество от генератора (сколько его посмотрим, когда стемнеет), остальные удобства – везде.

Пока всё бездыханно. Нет питьевой воды.

Чем бы заняться?

Многие сделали луки со стрелами – будут охотиться на полевых мышей и волков-оборотней. Иные загорают на пляже (окраине болотца), принимая при этом замысловатые позы.

Группки интеллектуалов играют в «козла».

Отовсюду доносятся обрывки мелодий, сплетающихся в «Гимн счастливому безделью!».

По истечении часа.

Солнце клонится к горизонту, путается в кронах ветвистых деревьев, окрашивая всё в апельсиново-тёплые тона.



Робин-гуды подрастеряли все стрелы в болоте. Романтики высматривают в камышах лягушку-царевну, реалисты выстреливают новые стрелы.

Живём, как в оазисе, только окружает рощицу не пустыня, а степь да степь кругом...

Скоро и здесь будет голо: сотня активных туристов на 500 м³ девственной природы.

В чащобе уже мелькают таинственные личности, выламывающие объёмистые дубины для хозяйственных нужд.

Поют магнитофонные итальянцы.

Завезли воду. Праздник продолжается.

Вечер.

Остаток дня ушёл на исследование дебрей. В непролазных зарослях, в самых глухих местах встречал племена полуголых дикарей, в коих, к своему удивлению, узнавал сокурников. Как быстро одичали!

Племена пекли картошку и жарили колбасы. Меня они принимали за своего, т.к. одетый в спортивно-военизированный костюм Адама и вооруженный арендованным у Олега Аганина луком и стрелами, я не вызывал подозрений.

Дойдя до Большой дороги, я на неё не вышел и удалился восвояси.

Ел шиповник. Сознавал его полезность, но из-за исключительной невкусности оставил это занятие. Больше ничего съедобного не обнаружил.

Постепенно температура воздуха понижается. Начали одеваться. Стали менее походить на южноафриканское племя, приблизились к североамериканским индейцам.

Бродят слухи, что завезли фильм «Берегите мужчин». Очень актуальная вещь, судя по названию. Теперь бы его ещё посмотреть.

Температура падает. Многие вслух сожалеют, что не запаслись огненной водой.

Достали музыкальные инструменты, звучат псевдомузыкальные пассажи.

Поздний вечер.

Стемнело.

Понижается не только температура воздуха, но и температура тела. Вокруг ходят эскимосы и эвенки.

Ожидавшихся комаров нет, очевидно, улетели в жаркие страны. Небо постепенно окрашивается ультрамарином, и лишь на западе, осталась бледно-розовая полоска.

Попытки завести генератор оканчиваются постоянными неудачами.

Наиболее активные члены племени играют в «слона», менее активные столпились у генератора и дают ценные советы, наименее активный пишет этот дневник.

Совсем стемнело.

Начали жалобно петь.

В темном царстве – ни одного луча.

Ночь.

Пишу при свете костра.

Жутко звёздная ночь.

Падают метеориты – спешу загадывать желания: покушать, покурить, ну и – стать генералом. Эх, зря много загадал, что-то может и не сбыться.

Первопроходцы собрались у костра. Огонь из темноты выхватывает только лица. Все голодны и торжественны.

Слушаем флойдовскую «Стену», «Отель Калифорния» и что-то из AC/DC.

Фантастическое небо.

Добровольский и Большая Медведица.

Где созвездие Лебедь?

Хвала Юрию Шпанову, оживившему-таки генератор.

Глубокая ночь.

Фильм не досмотрел. Во-первых, скучный, во-вторых, звук еле слышен, а сурдоперевода нет.

Холод. Что ещё надеть?

Куда сунуть очки? Да, котелок – надежное место.

Сотня спит.

4 сентября. Воскресенье (день второй)

Раннее утро.

Ночь прошла – словно прошла боль. Спал одетый: в две пары шерстяных носок, два казенных одеяла (с пугающими иероглифами на бирке в углу), шинель. Из-под груды тряпья бледным пятном виднелся лишь мой кроткий лик. Очевидно, постепенно он становился всё прозрачней и белее, ибо, очнувшись в 4 утра, я не ощутил на лице своём нос. И хоть я не гоголевский майор Ковалёв, а лишь курсант, т.е. бесправное существо подлого сословия, однако и мне безносому ходить не с руки. Да и на чем удерживаться очкам?

Отогревал свой павловский профиль всем организмом. Спас, но, проснувшись, не смог уснуть, а от сознания собственной беспомощности (одеть-то больше нечего) мерз ещё больше.

Аганин в дозоре. Спички, звездное небо и моё отношение к этому в 4 утра.

Серёга Мартин (ещё один Витязь) и напугавшая его ночная зловещая птица (верно, пеликан или дятел). Его высказывание о палатке, как о холодильнике; им снаружи, по ощущениям, – теплее.

Не лечь ли завтра снаружи?

А Кинстинтин сказал, что это была «смерть среди айсбергов», а не ночь.

Поднимать начали в 06.45.

Трактористов нет. Хорошо это или плохо?

Последствие ледниковой ночи – раскалывается голова. Радостная, дезертирская мысль: неужели простыл?

Кажется, день опять будет жаркий, пока же греемся у костра.

Выдали свежавыкованные ведра.

Время второго завтрака.

На трудовую вахту заступили в 10.30.

Толпа обнаженных (по пояс) новоиспеченных аграриев с непременными, но, как правило, пустыми фляжками на талии и самоуверенными улыбками на устах выслушала скорбную весть о том, что тракторист, наконец, протрезвел и начал функционировать.

Народ двинулся в поле. Работа закипела. Всюду снуют юноши, их бледно-загорелые тела эффектно смотрятся на фоне чернозема.

Ухарски топая по пашне пыльными сапогами, молодцы играючи вздымают над кузовами машин наполненные корнеплодами жестяные подойники.

Наступление поддерживают пять механизированных единиц: МАЗы и КаМАЗы.

Даёшь картофель!

Энциклопедическая справка: Картофель – это сельскохозяйственный продукт, скорее всего, овощ. Произрастает почти везде, где я бывал. Растет в земле небольшими скоплениями. Имеет желто-коричневый окрас с множеством оттенков и неправильную геометрическую форму. Съедобен, но предварительно желательно подвергать его термической обработке.

Основные орудия уборки: служащие, студенты, школьники и теперь – курсанты.

Полдень.

Трудовой порыв начинает иссякать.

Борозды пройдены. Машины почти пусты.

Гоша Птицын убивает 6 колорадских жуков, которых здесь более чем достаточно. Наверное, эти шестеро были самыми отчаянными мерзавцами. Перестали считать ведра. Наступаем в обратном направлении. Грянули оземь. Время обеда, но до него ещё две машины. Отдыхаем: загорелые от пыли, все черноглазые и чернозубые.

Любители животных из 4-й группы учат плавать в наполненном какой-то жидкостью ведре пленённую мышь. Решено сделать из неё ловца жемчуга, для чего произведено несколько тренировочных погружений на дно ведра. Мышь самостоятельно не всплывает, её всякий раз спасают и сушат на солнце заботливые натуралисты. Пока она сохнет, лягушонок (зоопарк у них с собой, что ли?) претендует на звание чемпиона по прыжкам с 1,5 метровой высоты в то же ведро. После 36-й серии прыжков, в зените славы, он умирает от разрыва сердца. Медицина оказалась бессильна, не помогло даже искусственное дыхание через соломинку и, поверьте, не в рот.

Мышь плохо сохнет и приговаривается, как враг колхозного крестьянства, к высшей мере социальной защиты. Перед смертью исполняется последнее желание осужденной – ей дают покурить.

Бросили жребий, мне выпало идти в наряд.

Отмываюсь в лагере при помощи ведра ледяной воды, загораю и жду обещанного обеда.

С поля доносится рокот тракторов, шум машин, звон подойников и стоны.

Вечер.

И вновь солнце прощается с небесами и с нами. О холоде думается ещё как о чём-то далёком и нереальном.

В «курительной комнате» обмениваются новостями, сплетничают, оценивают сегодняшней рабский загар: загорели только спины, да и те перечёркнуты белыми косыми крестами. Это следы главного украшения туалета – подтяжек.

Руководство в лице Калинаичева сетует на судьбу. Как истинный современный командир он вдохновлял наш порыв личным примером на... соседнем пруду. Но Бог есть, и за два дня наш мученик не поймал ни единой рыбки.

Любители острых ощущений убегают на дальнюю поляну играть в мячик.

Где предел человеческих возможностей? По ту сторону болота ходят наши люди.

Комаров сегодня больше, неужели вернулись?

По радиоприемнику специально для нас гремят звонкие крестьянские песни.

Крестьянский быт постепенно засасывает: отдельные личности занялись народными промыслами. Серёга Мартин, в частности, сам не курит, но строгаёт мундштуки. В целях рекламы раздаёт бесплатно, а как пойдут массовые заказы – разбогатеет.

Я приобщаюсь к славному клану игроков. В очередной раз выучился играть в «козла». За этим благородным занятием и застала нас темнота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.